

ВЕЛИКИЙ ТЕЛЕПАТ

Человек должен верить, что непонятное можно понять, иначе он не стал бы размышлять о нем.

Иоганн Гёте

Вот уже почти два года я веду переписку с этим удивительным человеком и каждый раз, бывая в Москве, захожу к Мессингу. К нему нельзя привыкнуть, как привыкают к близким, к друзьям. Мессинг каждую минуту новый, разный. Часто говорит по разным поводам: «Это говорю я, Вольф Григорьевич, а не Мессинг».

Два человека в одном лице. Один — простой, добрый, седовласый, умный собеседник, другой — весь в порыве, напряжении, с выразительными глазами, поэтически серебристой гривой на голове.

Все началось у нас еще на Камчатке. Мессинг выступал в областном драматическом театре. Пригласил на сцену кого-нибудь из зала, чтобы тот вблизи следил за чистотой опытов. Я поднялся, не раздумывая. С этого и началась, скажем громко, наша дружба. Поздно вечером он и его ассистентка были у меня дома в гостях. Нас в этот вечер собралось очень много: врачи, артисты, вулканологи, охотники. Вольф Григорьевич оставил свой адрес и телефон. Вскоре началась переписка.

А недавно вместе с журналистом Анатолием Юсиным, находясь в Москве, я посетил Вольфа Григорьевича. Уже через пять минут хозяин дома пристально посмотрел на Толю, который почему-то весь затрясся, и сказал: «Напрасно вы уходите с работы. Это ошибка. От себя не уйдете».

Я буквально остолбенел. Дело в том, что в редакции «Советского спорта», где работал Анатолий, лежало его заявление об уходе. И об этом я знал. Вот так после двухлетнего перерыва Мессинг-телепат вновь озадачил нас. Телепатия. О том, что это такое, казалось, все знают. Знают хотя бы из словарей в разделе термина «Парапсихология». О том, есть она в природе или нет, спорят. Иногда спорят довольно нечестно, в грубой и издевательской форме.

Вольф Григорьевич никогда не соглашался показывать свои психологические опыты тем, кто ставил условия, оскорбляющие его достоинство. «Не верите — не надо». Мессинг — телепат, значит, необходимо понять главное: необходимо в момент

опытов отключиться от мира сего и понять, что в то же время нелегко «отключиться от мира сего». Нелегко направить свое внимание только на одну-единственную волну, на мысли индуктора. Впрочем, неверующих не так уж много. В стране почти нет городов, где бы не выступал Мессинг. Тысячи и тысячи людей присутствовали на его опытах и убеждались в наличии необыкновенного дара у этого необыкновенного человека. Мы с Юсиным у него дома читали некоторые письма.

«Помним ваше выступление у нас, — говорится в памятном адресе работников Министерства охраны общественного порядка Азербайджана, — и сохраняем самые лучшие воспоминания о Вас и Вашем замечательном таланте. С нетерпением ждем новых встреч». «Вы — человек удивительной судьбы и удивительного таланта, — это уже работники издательства «Советская Россия». — Ваши выступления с психологическими опытами свидетельствуют о мощи человеческого духа...» Позволю себе привести еще несколько строк из многочисленных памятных адресов.

«Пусть ваши психологические опыты, — пишут горняки Тореза, — покажут некоторым скептикам, что мысль как продукт материи тоже материальна, как свет из угля, который мы добываем». «Психологические опыты, — говорят медики из Москвы, — с которыми Вы познакомили нас, вызывают большой интерес работников здравоохранения и утверждают передовое материалистическое мировоззрение». Кто-то из видевших Мессинга иронически отмечает, что секрет Вольфа Григорьевича при отгадывании мыслей заключается в прикосновении к телу индуктора. Ну, во-первых, здесь ирония неуместна хотя бы потому, что даже в этом случае телепатия остается телепатией. А во-вторых... Мессинг отгадывает мысли и не дотрагиваясь до индуктора. Такие опыты я видел несколько раз, в том числе и у меня дома в присутствии многих моих гостей. Вольф Мессинг, с позволения сказать, — двусторонний телепат. Он не только отгадывает мысли на расстоянии, но и внушает свои. В Петропавловске-Камчатском Мессинг показал такой опыт с С.С., которая написала на бумаге несколько произвольных цифр. Затем по команде она стала одну за другой зачеркивать их. Остались только две цифры — 3 и 5.

— Переверните лист, — негромко сказал Мессинг.

С.С. перевернула лист. На обратной стороне были написаны эти же цифры. Думается, многие не верят своим глазам, потому что все это не поддается привычному анализу. Разве не бывало с вами такого: подумаешь о ком-нибудь — и, буквально, в ту же

секунду встречаешь его на улице. Или заговоришь о ком-нибудь, и он тут как тут. Пословица «Легко на помине» в народе бытует давно и произносится довольно часто... Почему? Отчего? Все это когда-нибудь найдет свое научное, материалистическое объяснение. Ну, а что касается Мессинга... Когда я, стоя на лестничной площадке с Анатолием Юсиным, позвонил в дверь квартиры, вышел Вольф Григорьевич и первое, что он сказал, было: «А я знал, что ты придешь не один, что с тобой будет писатель».

Пили водку, закусывая красной икрой, привезенной с Камчатки. Вспоминали его поездку на край света. Мессинг расспрашивал о запомнившихся ему моих друзьях. Вдруг он встал с места, подошел к книжной полке и достал фотографию, где мы с ним были сняты вместе, подал мне и сказал:

— Напиши что-нибудь на обороте.

Я стал писать.

— Ну? — спросил он, лукаво глядя мне в глаза.

— Написал, Вольф Григорьевич.

— А теперь на, сравни, — сказал он и протянул мне лист. Я чуть не упал со стула. Один и тот же текст.

Вот так, поражая каждую минуту каким-нибудь опытом, Вольф Григорьевич не давал возможности нам придти в себя.

Мессинг сейчас готовится к поездке по городам Чехословакии (кстати, для него не имеет значения, на каком языке думает индуктор).

— Не собираетесь ли вы снова приехать на Камчатку? — спросил я Вольфа Григорьевича.

— О! Камчатка — это великолепно. Не забуду ваш камин и шашлык из кальмаров. Полюбил Камчатку. Вообще-то я в одно и то же место дважды ездить не люблю. Хочется повидать на свете как можно больше. Но Камчатка стоит того, чтобы сделать исключение...

Через несколько часов Вольф Григорьевич должен был отправиться в очередную гастрольную поездку. Мы стали прощаться. Надо собираться в дорогу. Хотя это ему легко дается: он любит часто повторять одну древнюю, как мир, философскую истину: все свое ношу с собой.

— У меня работа, как у Маяковского. Об этом говорили мне мои друзья, знавшие поэта. Я должен ездить и встречаться с аудиторией. Меньше всего я думаю о том, чтобы удивить кого-либо.

Вольф Григорьевич Мессинг — менее всего объект для экспериментов. Он сам великий экспериментатор, ученый. Неда-

ром ученые из секции биоинформации общества радиотехники и электросвязи имени А.С.Попова заявляют в памятном адресе: «Мы надеемся, что Ваши замечательные способности послужат в дальнейшем для научных исследований по выявлению скрытых возможностей человеческого мозга».

Да, это пишут ученые, которые вместе с Мессингом делают науку! Однако надо согласиться и с тем, что великий телепат — это и великий артист, психолог, гипнотизер.

Перед самым уходом я посмотрел на Мессинга и коснулся его руки. Вдруг он весь напрягся: «Думайте, думайте!»... он буквально кричал. Я уже не рад был, что задумал задание. Он поднес мою руку к альбому, лежащему на столе, заставил открыть его. Достал несколько фотографий. Это именно то, что было в моих мыслях. Рассматривая снимки я подумал: задание и на этот раз было выполнено им на «отлично».

«Камчатский комсомолец», 23 мая 1968 г.

P.S.

Третий том собрания сочинений был уже готов к печати, когда Анатолий Юсин вместе со своим предисловием к четвертому тому отправил в издательство «Художественная литература» хранившийся у него вот уже сорок два года экземпляр «Камчатского комсомольца», в котором была опубликована статья о Вольфе Мессинге «Великий телепат». В издательстве решили поместить ее в томе публицистики. Не совсем по теме, но не грех сделать исключение. В конце концов, Мессинг есть Мессинг. Чем дальше во времени, тем привлекательнее загадка и впрямь великого телепата. Я дал «добро», но только при условии, если сопровожу статью о Мессинге некоторыми пояснениями. Дело в том, что сорок два года назад я отдал «Камчатскому комсомольцу» целый очерк. Ведь во время частых визитов к герою очерка в Москве я не расставался с записной книжкой. Там были заметки и о том, где и когда он родился, когда впервые почувствовал у себя «странности», что произошло с ним после того, как узнал, что отец и двое братьев погибли в газовых камерах Майданека, как он, часто останавливаясь перед фотографией покойной жены Аиды Михайловны, подолгу с ней «беседует»... и многое другое. Все это вырубили, вырезали. Обиднее всего было то, что сам Вольф Григорьевич честно признавался: он, по сути, читает не мысли, а чувствует мускулы, мышцы, даже — тепло кожи.

Был в очерке еще один, просто-таки ценнейший фрагмент. Я спросил как-то Мессинга, зачем нужно вообще соглашаться

угадывать по фотографиям, жив или погиб человек? Ведь это ничего общего не имеет с сутью и смыслом парапсихологии. Мессинг как-то весь преобразился, обнял меня, похлопывая по спине. Радовался и грустил. Видно было, что безмерно рад самому вопросу. И переведа дух, проговорил, словно давно хотел сказать об этом: «Я практически никогда в таких случаях не говорю слово «погиб». Матери, надеющейся на то, что ее сын жив, нельзя говорить «он погиб». Тем более, ты прав, никто никогда по фотоснимку не определит судьбу человека. Но мне верит мать, и я должен что-то сделать. Вот и говорю «Да! Жив». Оставляю надежду, которая так нужна нам. Ведь часто везло, и сын находился. Но это уже не я. Это Бог. Это — случай».

Газета вышла в конце мая 1968 года. Я вернулся в Петропавловск-Камчатский из Паланы (окружного центра Корякского национального округа) в середине июня. Взял в руки «Камчатский комсомолец» и ахнул. Помнится, как ответсекретарь молодежной газеты Вера Янкина, едва скрывая слезы, рассказывала, как спорила до кровянки с представителем Главлита. Утешением для себя Янкина считала то, что смогла сохранить заглавие «Великий телепат». Она знала, что термин этот тогда входил в раздел лженаук, и хотела его оставить. При этом старалась оправдать главлитовца, который без конца повторял, раскрывая «великую тайну»: «Есть у нас такая установка по части Мессинга».

Два экземпляра «Камчатского комсомольца» я отправил в Москву Юсину. Толя отнес газету Мессингу, который вскоре прислал мне письмо. Удивительное письмо. Вольф Григорьевич, поблагодарив за «теплые слова», умолял, настоятельно просил, чтобы я никому больше не посылал статью, особенно в Москву. Просил, чтобы больше я не использовал термин «телепат». Оказалось, его как-то уж больно грубо и круто предупредили, чтобы он четко усвоил точное название своей «должности». Именно «должности». Он всего лишь заслуженный артист оригинального жанра. И больше ничего.

Через два года Мессинг вновь прилетел на Камчатку. В Петропавловске был фурур. Еще в аэропорту он спросил меня: «А шашлык из кальмаров будет?» Дело в том, что уникальное это блюдо мои друзья называли именем Мессинга. И ему это очень нравилось.

Никогда не забыть мне те памятные и удивительные дни. Мессинг прихрамывал. Жаловался на ноги, хотя был весел. Три вечера кряду, после поистине производивших фурур сеансов в драматическом театре, собирались у меня на квартире.

В разгар застолья Мессинг вдруг начал внимательно разглядывать полки с книгами. Неожиданно резко встал с места. Подошел к книгам. Достал большой альбом в черной кожаной обложке. Поднял высоко над головой и сказал: «Я знаю, что это такое. Здесь короткие записи и почтовые штампы населенных пунктов. Я оставил здесь свой автограф три года назад в Москве». Обратился к сидящему рядом со мной близкому моему другу Виктору Казьмину (вместе окончили Рязанский медицинский институт), позвал к себе: «Я отвернусь, — сказал

Вольф Мессинг

Волodya, *Сурдот*
А Вольф Мессинг
Мелано Ван
Клети: presidente.)
Вольф Мессинг
Москва, 2010 г.

он, — а ты перелистывай страницу за страницей. Когда я скажу — остановись, остановишься». На сорок шестой странице, не успев Витя произнести очередной порядковый номер, Мессинг громко приказал: «Остановись!» Наверху страницы была запись: «Я, Вольф Мессинг желаю вам...» И далее он, все еще стоя на месте, продолжил по-латыни нечто вроде «обладатели счастья». И довольный собой захохотал.

Десятого сентября 1974 года уже из Еревана я отправил телеграмму Вольфу Григорьевичу и поздравил его с семидесятилетием. Часто в те дни звонил ему по телефону на Сокол (так мы с Юсиным называли его адрес по станции метро). Вскоре Толя по телефону сообщил мне, что Вольф Григорьевич умер. Газеты молчали.

Ноябрь 2010 г.